

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

НЕОКОНЧЕННЫЕ ХРОНИКИ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

CONTRA SPEM SPERO

Неоконченные хроники Третьей мировой

Александр Усовский

Contra spem spero

«Автор»

2020

Усовский А. В.

Contra spem spero / А. В. Усовский — «Автор»,
2020 — (Неоконченные хроники Третьей мировой)

ISBN 978-5-042-39169-9

Одиссей попадает в руки арабских бандитов, поставивших целью с его помощью изъять пятьдесят миллионов долларов у беглого русского чиновника-коррупционера, связавшегося с албанскими бандитами. Одиссей вынужден помогать им – под угрозой выдачи американцам. Но как только к тому предоставляется возможность – он, предупредив «дичь», с помощью своих товарищей находит возможность скрыться, и при содействии сети агентов, созданной ещё при СССР, возвращается домой – одновременно посодействовав возвращению на Родину похищенных миллионов.

ISBN 978-5-042-39169-9

© Усовский А. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Усовский

Contra spem spero

Моей жене Лене – без которой не было бы написано ни строчки....

*Моей Родине – Беларуси, моим землякам,
моим друзьям, родным и близким,
моему отчому дому, земле,
на которой я вырос –
посвящается*

Пролог

*Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от возжелений
ваших, воюющих в членах ваших?*

*Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете
достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не
просите; просите – и не получаете, потому что просите не на добро, а
для того, чтобы употребить для ваших возжелений...*

Соборное послание св. апостола Иакова
Глава 4, ст. 1–3

*Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.*

Владимир Луговской

Imperare sibi maximum imperium est
Сенека

Красногорский район Московской области, 5 апреля 2002 года

- Воруют все! Но попадают – только дураки!
- Но, Анатолий Николаевич, кто ж знал? Я думал...
- Плохо думал! Вернее – совсем не думал! Решил, что умнее других! Что тесть твою задницу прикроет – в случае чего! А другие – не дурней тебя, и тесть тебе – не в дырке затычка!
- Анатолий Николаевич...
- Что – Анатолий Николаевич?! Спасите-помогите? Воровать мы уже умеем, а отвечать – пускай дядя отвечает? Пусть тесть свою голову подставляет – а мы чистенькими выскочим? Так, что ли? Так ты думал, когда этот акт выполненных работ подписывал? Идиота кусок.... Это ж надо! Такая сумма – да единым актом! Ну кто, кто тебе поверит, что такие деньги вот просто так за два месяца в землю закопали? Да любая комиссия в два счёта всю твою панаму раскроет – уже раскрыла!
- Но я ж планировал поделиться...
- Планировал? Так что ж не поделился? Да ты авансом должен был половину запланированного к грабежу принести! Авансом! Да ещё час кланяться, чтобы взяли! А ты?

– Ну вы же знаете, федеральный трансферт...

– Масферт! Кому это интересно?! Кому, я тебя спрашиваю!?

В залитом весенним солнцем холле, обставленном лёгкой изящной мебелью, повисла нервная тишина. Молодой мужчина в светлом, итальянского стиля, костюме, сидевший на краешке легкомысленного светлого диванчика, пригорюнившись, уставился в стеклянный, на изящных кованых ножках, столик, изредка бросая боязливые взгляды на пожилого грузного дядьку в крепко ношеном спортивном костюме, нервно ходящего вдоль огромного, во всю стену, окна.

В тягостном молчании прошло минут пять. Затем пожилой, тяжело вздохнув, подошёл к столику и сел на тонконогий стульчик, издавший при этом едва слышный всхлип.

– Вот что я тебе скажу, Игорёк. Ситуация – крайняя, здесь я уже ничего сделать не смогу. Слишком далеко дело зашло, слишком много народу о твоём косяке в курсе. Даже если ты сейчас все полтора миллиарда этих раздашь – не факт, что не найдется ретивый карьерист, какой на этом деле захочет фишку срубить. Мне теперь идти к прокурорским за тебя подписываться – нет резона: и сам стору синим пламенем, и тебе ничем не помогу.

Молодой мужчина тревожно спросил:

– Так что ж делать?

Пожилой развёл руками и саркастически произнёс:

– Тебе – уже ничего. Всё, что можно – ты уже сделал без меня. – Затем, помолчав, добавил уже чуть мягче. – У тебя сейчас выхода два – или ты дожидаясь понедельника и идёшь с повинной в прокуратуру – дескать, бес попутал, готов понести суровое наказание – или, не откладывая дела в долгий ящик, собираешь манатки и дуешь туда, куда уворованное отправил – причём не позднее, чем сегодня вечером.

Молодой криво ухмыльнулся.

– А толку? Прокуратура всё одно выдаст ордер на арест, потом – выпишет требование на экстрадицию, и отправит его по месту моего пребывания – хоть скрывайся я в каком-нибудь Гондурасе – и всё одно я в прокуратуре окажусь, только на пару месяцев позже.... Только побегаю зазря! Тикать сейчас – только оттягивать неизбежное...

Пожилой неопределенно хмыкнул, встал, подошёл к окну, приоткрыл его – и, вдохнув всей грудью шальной весенний воздух, напоенный ярким солнцем и серебристыми отблесками весело сверкающей капли, покачал головой.

– Не кажи гоп!

Молодой заёрзал на своём диванчике.

– В смысле?

– Не спеши, говорю, себя хоронить. Ты, конечно, дров наломал кучу, но Ленка моя – твоя законная жена, опять же, Толик с Маринкой.... В общем, не хочу я дочь вдовой соломенной делать, а внуков – сиротами при живом отце.

Молодой пожал плечами.

– Так а что здесь можно сделать?

Тот, которого он называл Анатолием Николаевичем – хмыкнул.

– Всё можно. Если осторожно.

– Анатолий Николаевич, ну не тяните ж вы kota за хвост!

Пожилой вздохнул.

– Вот потому ты и погорел, что шибко торопливый, спешишь вечно, как голый в баню.... У тебя счета номерные, конечно?

Молодой молча кивнул.

– Ну, вот и хорошо, пока здесь будут бумаги на свет смотреть да разные страшные постановления выписывать – у тебя будет дней пять-шесть, чтобы в Цюрих смотаться и оформить всё толком.

Молодой снова кивнул.

– Положим, да. А дальше? Перейти на нелегальное положение? В Европе это трудноватенько...

Грузный дядька махнул пренебрежительно рукой.

– Никто тебя в нелегалы не записывает. Не годишься ты для этого, гламурен больно.... Ты каким языком владеешь более-менее?

Молодой пожал плечами.

– Английским – терпимо.

– Не годиться. Что-нибудь надо поближе.... Румынский там, польский...

Молодой хмыкнул.

– А это разве языки? Наречия диких племён...

Пожилой саркастически ухмыльнулся.

– Племена не племена, а народ там понимающий, входящий в положение – и много не берущий.... Ты вот представляешь себе, сколько стоит сделать аглицкий паспорт – причём не фальшивый, а натуральный, такой, по какому в Штаты запросто пускают?

Молодой пожал плечами.

– Не знаю.... Думаю, дорого.

– А я тебе скажу. Нисколько! Потому что никто тебе его делать не возьмётся! Фальшак тебе в Сохо какой-нибудь смостырят – до первого пограничника – и не более того. И поэтому засунь себе свой английский язык сам знаешь куда! Он тебе нынче без надобности.

Молодой нервно улыбнулся.

– А что, польский разве можно паспорт сделать?

Пожилой покровительственно похлопал его по плечу.

– Можно. И молдавский можно, и румынский, и чешский – если есть желание. Стопроцентно натуральный. Любые проверки проходит!

– А.... А как?

Пожилой вздохнул, покачал головой.

– Пока ты там на юге казну ударно грабил, я тут с Володей моим – ты его знаешь, он у меня работает в службе контроля – пошептался маненько. Попросил его со старыми друзьями связаться, покалякать о всяком-разном. Ты помнишь, где он служил, и, надеюсь, понимаешь, какие у него друзья с той службы остались. А когда позавчера мне из комиссии, какая твои фокусы расследует, один добрый человек позвонил, предупредил, что твои художества вскрылись, и покрыть их нет никакой возможности – я Володю попросил сюда приехать, в пятницу, к трем. – Анатолий Николаевич, глянув на часы, удовлетворенно добавил: – Сейчас уже должен быть. Давай пока похозяйствуй, собери чего-нибудь закусить, коньячишко достань поприличней.... Есть поприличней-то?

Игорёк, как его называл пожилой, пожал плечами, надменно скривив губы.

– Есть. Но не велика ли честь – клерка потчевать хозяйскими разносолами?

Анатолий Николаевич аж побагровел от таких слов своего зятя.

– Да как ты, щенок, смеешь так рассуждать? Барин выискался! Посмотрите на этого столбового дворянина! Полтора миллиарда рублей украл – и думаешь, что Бога за бороду ухватил? Что уже белая кость, голубая кровь!? Да где б ты был, засранец, если бы я тебя на эту должность не пристроил? Продолжал бы свою порнуху снимать? Коппола недоделанный!

Игорёк мгновенно притух и, вжав голову в плечи, испуганно посмотрел на тестя.

– Извините, Анатолий Николаевич! Сейчас всё сделаю!

Через несколько минут на ажурно-воздушном столике громоздились розетки с икрой и маслинами, тарелки с тонко нарезанной ветчиной, балыком и лепестками сыра, на неведомо-прозрачном блюде английского фарфора желтели ломтики лимона, в вазе, едва уместившейся на краю столика, матово отсвечивали оранжевыми боками крупные апельсины; посреди

разносолов стояла пузатая бутылка «Хеннеси», вокруг которой солидно и важно мерцали приземистые хрустальные бокалы.

Анатолий Николаевич осмотрел стол, остался увиденным довольным, и, хозяйским жестом ухватив бутылку коньяка – щедро плеснул себе в бокал.

– Ты будешь? – спросил у зятя.

Тот отрицательно мотнул головой.

– Пока не хочу. Не лезет в глотку...

– Ну, как знаешь. А я выпью! Опять же – для сердца польза... – И с этими словами пожилой дядька с лёгкостью опрокинул в себя добрую порцию коньяка.

В прихожей раздался звонок – стилизованный под колокольчик.

– А вот и Володя! Поди, открой ему ворота – негоже, чтобы его машину кто-нибудь у твоего забора видел.

Игорь встал, и, пожав плечами, вышел в прихожую.

Через несколько минут он вернулся – в сопровождении седого коренастого мужчины лет сорока пяти, в неброском сером костюме и рубашке без галстука.

– Здравствуйте, Анатолий Николаевич! Как и договаривались – пятнадцать ноль-ноль! – в голосе вошедшего чувствовалось едва уловимое волнение.

– Проходи, Володенька, гостем будешь... Тебе налить?

– За рулём! Хотя одну рюмку, пожалуй, можно – закусь, я смотрю, располагает.

– Располагает, располагает... Садись, в ногах правды нет!

Пожилой неторопливо разлил коньяк, подождал, пока гость соорудит на своей тарелке натюрморт из сыра и икры – после чего поднял свой бокал.

– Ну, будем здоровы!

Гость молча кивнул, медленно, с удовольствием, смакуя каждую каплю, выпил свой коньяк, с аппетитом закусил, после чего, взяв из вазы апельсин – начал его не спеша чистить, давая понять хозяину, что готов его выслушать. Анатолий Николаевич достал из этой же вазы ярко-изумрудный лайм, покрутил его в руках, положил обратно – и, повернувшись к своему зятю, бросил:

– Игорёк, садись за стол. Будешь внимать.

Зять тут же уселся на второй свободный стул и сделался «весь внимание».

Анатолий Николаевич повернулся к гостю.

– Володя, обрисуй моему оболтусу общую картину его грядущих действий. Поподробней. Гость вздохнул.

– А что там подробно обрисовывать? Обычная рутинная операция...

– Ну, кому рутинная, а кому, может, в первый раз в жизни такое придётся учудить!

Володя кивнул.

– Это понятно. – И, оборотившись к Игорю, продолжил: – Значит, так. Всю лирику оставим в стороне, буду строго по делу.

– Согласен! – преувеличенно-бодро бросил молодой хозяин.

Гость едва заметно, краешком губ, улыбнулся – но затем согнал с лица едва уловимый намёк на легкомысленность и продолжил серьезно:

– Как я понял из слов Анатолия Николаевича, на некоторое время Игорь Евсеевич Тевзеев должен раствориться в воздухе – так, чтобы никакие правоохранительные органы его не нашли – ни здесь, ни где-либо ещё. Правильно я понимаю поставленную задачу?

Пожилой – а с последними словами гость обратился к нему – молча кивнул. Володя снова повернулся к молодому хозяину.

– Исходя из этого, я разработал несложную схему исчезновения – согласно которой вы и будете действовать. Для начала вы выдвигаетесь в Польшу. В понедельник вам надлежит прибыть в город Торунь – это на Висле, двести километров северо-западнее Варшавы – и остано-

вится в каком-нибудь неброском отельчике в старом городе. Рекомендую «Под орлом», улица Мостовая. Машина у вас какая?

– «Лексус». А что?

– Ничего. Оставьте его дома. У вашей жены какая?

Игорь пожал плечами.

– «Опель Зафира». Минивен.... Но он так, детей в школу возить...

– Вот на нём и поедете. Скромность – она в принципе украшает, а в вашем случае – особенно. Поедете по Минскому шоссе до Бреста, желательно, чтобы на погранпереходе «Варшавский мост» вы были в воскресенье утром – тогда там очереди практически нет, пройдёте границу максимум за час-полтора. То есть выехать вам надо самое позднее завтра утром. Шенген у вас и у жены, я так понимаю, есть? – Молодой хозяин кивнул. – Очень хорошо. Значит, с границей проблем не будет, официально едете... ну, скажем, в Германию, по делам, заодно детям хотите берлинский зоопарк показать. На переходе купите ваучер в Польшу. До Торуня вам ехать часов шесть – к вечеру воскресенья будете на месте. В старом городе, недалеко от площади святой Катажины, есть юридическая фирма Адама Згожельца – на улице королевы Ядвиги, дом восемь, первый цокольный этаж. Зайдете туда и спросите Яна Селюту – это адвокат, он там работает. Я его уже предупредил, что, возможно, мне понадобятся его услуги. Скажете ему, что вас послал Трубач. Он сделает для вас, для вашей жены и для детей необходимые документы; вы станете польскими гражданами казахстанского происхождения, репатриантами. Вместе с документами он вам даст подробную легенду – где, что и как. Машину оставите ему – он знает, что с ней делать. Заплатите ему пятьдесят тысяч долларов. Запомнили?

Игорь молча кивнул.

– Получив документы, купите там, где скажет адвокат, машину – он, кстати, поможет вам её оформить – после чего выедете на юг, в Катовице. Там снимете квартиру на пару недель – думаю, это не составит для вас труда – поживёте, обживётесь, привыкните к своему новому положению. Затем – второй этап.

– Второй? – изумился Игорь.

– Будет и третий. Не перебивайте, пожалуйста.

– Хорошо, хорошо, продолжайте.

– Пожив две-три недели в Катовице – не рекомендую вам там слишком светиться, рестораны, прочие увеселения исключите, вместо этого очень настоятельно советую как можно больше просто гулять по улицам и слушать, слушать и ещё раз слушать – выедете в Чехию.

– А граница? – Игорь беспомощно посмотрел на тестя.

– У вас будут подлинные документы – реально подлинные. Ваш более чем скверный польский легко объяснится тем, что вы лишь недавно обрели Родину – вырвавшись из рук среднеазиатских сатрапов. Далее – вы едете в Прагу. Остановитесь там, опять же, в скромном отеле. В районе Карлин – это северо-восток чешской столицы – на улице Соколовска, дом пять, есть магазинчик, торгующий марками, значками, всякой бонистикой и фалеристикой. Увидите, там перед входом обычно стоит стенд с марками и открытками. Спуститесь в этот магазинчик, спросите пана Новотного. Чуть ниже среднего роста, светловолосый, курносый, глаза – голубые. Зовут Ярослав. Для него вы – поляк казахстанского происхождения. Скажете ему, что от Трубача, и добавите слово «шершень». Запомнили?

– А записать всё это можно?

Володя вздохнул, и, повернувшись к пожилому – укоризненно произнес:

– А вы говорили – сообразительный...

Анатолий Николаевич развёл руками.

– Володя, что ж делать, ежели он в ваших делах – ни уха, ни рыла?

– Ладно, – махнул рукой гость, – Проехали. Далее – этот Новотны сделает вам подлинный сербский паспорт, а также документы для вашей жены и детей, права, в общем, всё, что

нужно. За работу заплатите Новотному те же пятьдесят тысяч долларов, что и адвокату. Не вздумайте торговаться! Не тот случай. ... Сербом вы, кстати, станете, исходя сугубо из соображений фонетики – по-чешски и серб, и русский говорят с одинаковым акцентом. Вы будете сербом, переехавшим в Чехию, подальше от бардака, творящегося в Белграде – дело житейское, в европах это в порядке вещей, никто этому не удивится. Но в Праге вам жить не стоит.

– Отчего же? – живо заинтересовался Игорь. – Прага – отличный город!

– Отличный. И именно поэтому не стоит. Соблазнов слишком много. Поэтому перейдем к третьему этапу.

Игорь молча вздохнул. Гость сделал вид, что не заметил этого вздоха.

– Так вот, третий этап. Польскую машину вы оставляете Новотному, а сами приобретаете машину в салоне на этой же улице, расположенному практически напротив магазина Новотного. Увидите, там «Шкода Октавия» на таком высоком помосте стоит, для рекламы. В этом салоне у вас никто особо ничего не спросит – ваше дело заплатить и отдать паспорт на оформление, хозяин все сделает сам. После этого вы переезжаете в Моравию, в Виловице – это маленький городок у словацкой границы, недалеко от Всетина. Там дня три-четыре поживёте в каком-нибудь пансионате, после чего купите дом – на улице Случовской, недалеко от здания местного полицейского участка, как раз продаётся неплохая вилла – и приобретёте долю в тамошней винокурне – став, таким образом, её совладельцем. Тридцать процентов акций этого заводика станут вам в миллион, от силы – они как раз сейчас предлагаются к продаже, хозяева задумали модернизацию производства, а денег не хватает. Вместе с долей в винокурне вы автоматически приобретаете соответствующий социальный статус и положение в обществе. Да, ещё – сербом, по легенде, вы будете новоделанным, ваши дедушка и бабушка – из русских эмигрантов, и в семье все говорили по-русски. Поэтому вы сербского – если вдруг, паче чаяния, в этих Виловицах найдется полиглот, желающий побалакать по-сербски – практически не знаете. Запомнили?

Игорь тяжело вздохнул.

– Разве ж это можно запомнить?

Володя снисходительно улыбнулся.

– Ладно, всё, что можно – я набросал здесь. – Он достал из внутреннего кармана два листика бумаги, протянул их Игорю. – Выучите наизусть, потом сожгите.

Игорь благодарно кивнул, старательно сложил листки и уложил их в пормоне. А затем спросил:

– А почему я не могу стать совладельцем винокурни, как поляк?

Анатолий Николаевич и Володя переглянулись. Затем тесть наставительно произнес:

– Для адвоката Селюты ты – беглый русский. Для торговца марками Новотного – беглый поляк. Они друг друга не знают – поэтому концы таким несложным методом обрубаются наглухо, и при этом – без жертв. Понял?

Игорь кивнул.

– Понял. А что мне делать в этих Виловицах? И сколько?

Анатолий Николаевич вздохнул.

– Этого, друг мой ситный, я тебе сейчас не скажу. В понедельник, после того, как ты мне отзвонишься из Польши, я поеду в прокуратуру, и там моему дружку закадычному, Олегу Татаринovu, расскажу приватно, что совершил ты гнусную подлость – сбежал из страны, прихватив моих родных внуков. Заложу тебя, проще говоря. Чтобы потом, когда меня про тебя спросят – деликатно, осторожно, но всё же спросят – я мог на моего кореша сослаться. Дескать, дорогие товарищи сыщики, давать показания на зятя официально я не могу, но всё, что мог, как гражданин и государственный служащий – сделал. Совесть моя чиста. ... Искать тебя поначалу будут яро – всё ж ты не кошелёк с получкой у работяги с ЗиЛа подобрал, а полтора миллиарда полновесных рублей у казны стырил – но потом, думаю, раж поутихнет. Да и я, многогрешный,

руку к этому приложу – не шибко активно, но поспособствую, чтобы розыски твои поувяли. Глядишь, годика через два твоё дело в прокуратуре потеряется, интерес к тебе у тамошних ищеек охладее. Ну а там, ещё через годик, и вернутся, думаю, сможешь – к тому времени и дела-то твоего уже никакого не будет. Так, Володя?

Гость кивнул.

– Главное – первые пять-шесть месяцев нигде не маячить, а там уже будет полегче.

Анатолий Николаевич, хитро прищурившись, спросил у зятя:

– Сколько у тебя сейчас в сейфе есть наличными?

Игорь смутился.

– Анатолий Николаевич, как-то...

Тесть махнул рукой.

– Никто на твои сокровища не претендует. Но за всё в жизни надо платить, правильно? Так вот, друг мой ситный, подымись наверх, открой свой сундук и тащи сюда двести тысяч американских рублей – Володе за добрый совет.

Игорь молча кивнул и живо поспешил в глубину дома. Анатолий Николаевич, проводив его взглядом, обернулся к Володе и спросил:

– Как думаешь, выдюжит?

Гость пожал плечами.

– А что тут выдюживать? Ему ж никто никаких заданий не даёт, его дело – отсидеться в европах, с чистыми документами.... Тут главное – чтобы он не засветился где-нибудь сдуру. Если б мне кто такую тропу подготовил во времена оны – я бы своему счастью до самых Виловиц не верил бы. Справиться!

Пожилой хозяин кивнул.

– Тут я с тобой согласен, – а затем, помолчав несколько минут, добавил озабоченно: – Меня в этом деле только одно смущает – деньги зятёк мой через албанскую фирму строительную отмывал, и через этих же албанцев счета в Цюрихе открывал. И они прекрасным образом в курсе – сколько дуболом этот бабок упёр, и где их положил. – Налил себе коньяка, выпил единым махом, выдохнул. – И скажу тебе, Володя, честно – не столько меня прокуратура наша тревожит, сколько эти нехристи. Уж больно много они знают...

Глава первая

* * *

– Эгер хайятта ми?¹

Что? Вот чёрт, голова, как будто свинцом налита, в ушах глухой шум, все вокруг в какой-то пелене.... По ходу, ранение у него не смертельное, хотя... Кто эти черти в «песчаном» американском камуфляже? Не американцы – точно; у тех, конечно, в армии всякой твари полно, но такого, чтобы из пяти военнослужащих все пять носили кудрявые семитские бороды – это вряд ли, перебор, Да и форма у этих какая-то старая, изрядно ношенная, что называется – «второй срок», в такой солдаты – хоть американские, хоть наши, это без разницы – ходить брезгуют, чай, не оборванцы какие-нибудь, регулярная армия.... А эти хлопцы, по ходу, донашивают это шматьё за кем-то, и, стало быть, они – НЕ армия; вот только кто?

– Эгер тюрк аламат?²

Настойчивый, зараза.... Что ему ответить? И на каком языке? Кажись, отвечать придётся – эвон как он решительно мне в бок автоматом тычет.... Любопытство его, вишь, разбирает. Ладно, отвечу, всё одно ни хрена не понимаю, что он там балакает...

– Украина. – Я ж украинец по паспорту.... Хотя.... Где тот пачпорт? По ходу, не у них, точно – раз любопытствуют так настойчиво. Где-то у меня в карманах? Если бы был – эти, в камуфляже, ещё вчера вытащили бы; хотя и редко я в сознание приходил, но помню, как они меня тщательно шмонали после перевязки.... Телефон забрали, с которого я последнее письмо отправил. Деньги – ну, это мелочь, сотни полторы от силы.... Чёрт, куртка! Паспорт – в куртке! В нагрудном кармане! А куртку, помнится, перед самой заварухой одел Туфан.... В ней его, кстати, и успокоили – шесть или семь пулевых, как минимум три – смертельных, в голову.... То есть украинец – выходит, как раз покойный Туфан Сарыгюль, а я, получается – турок? Хорош турок, три слова по-турецки....

Допрашивавший ослабился.

– Украина? Наташка? Давай-давай?

Дались им эти наташки.... Да, ничего не скажешь, шлейф после себя наши бабы оставили в Турции и в прочих египтах – стыдобы лет на сто, не меньше.... Хотя, по ходу, то, что я – украинец, его вроде как обрадовало. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Дальше в палатке появился давешний доктор – который позавчера, сразу после короткого, но яростного огневого боя, делал ему перевязку. Ничего, опытный, чертяка....

Доктор уверенно уселся у его импровизированного ложа, посчитал пульс, послушал сердце, осмотрел перевязанную рану, перебросился парой фраз с охранником – чёрт его знает, на каком языке! – а затем, достав из саквояжа пачку одноразовых шприцов и несколько коробок с ампулами, деловито принялся готовить укол.

Что этот эскулап ему собирается колоть, интересно? Переливание крови вчера он ему сделал весьма ловко – а, учитывая, что происходило это в голой пустыне, то даже мастерски – а сегодня, судя по склянкам, будет вкачивать глюкозу и ещё что-то, не разобрать, что там на них написано...

Игла шприца вошла в предплечье махом, он практически ничего не почувствовал. Доктор ловко опустошил один шприц, второй, третий.... По телу вдруг разлилось мягкое тепло,

¹ Ты жив? (турецк.)

² Ты понимаешь по-турецки? (турецк.)

боль, до сих пор нудно терзавшая раненое плечо, исчезла, вместо неё он почувствовал вязкую истому. Обезболивающее, по ходу, весьма неслабое.... Однако здесь не церемонятся с подбором медикаментов! Хотя – медикаментов ли? Странная реакция организма.... Как будто его накрывают невесомым пуховым одеялом. Что ж так в сон тянет? Глаза закрываются помимо воли, слабость в конечностях, шебуршание доктора всё дальше, дальше.... Спать, спать.... Аллаху ак....

* * *

Ага, кузов грузовика. Давешний часовой – дрыхнет, привалившись к борту. Штабель деревянных ящиков в противоположном углу, судя по всему – из-под какого-то военного имущества; на полу – груды чего-то вроде палаток, какое-то железо.... Жаль, что темно, не разберешь, что на этих ящиках написано – а что написано, видно, белеют какие-то буквы.... Сначала показалось, что стоим, но теперь ясно – по едва слышному гудению мотора и трансмиссии, по подрагиванию кузова – нет, не стоим. Куда-то едем – причём едем медленно, осторожно. За бортом – глухая ночь, в прорезь брезентового тента видать иссиня-чёрное небо с хороводом ярких, совсем не русских, звёзд. Холодно, чёрт!

Интересно, куда это мы едем? Судя по расположению Большой Медведицы – куда-то на юго-запад; хм, любопытно.... В Сирию? Что не в Мосул или Эрбиль – точно; и что не по проторённой дороге, тем более – не по шоссе – тоже ясно. Грузовик армейский, полноприводный, и чешет напрямик по пустыне – эвон как его на кочках-то подбрасывает...

Одиссей ощупал повязку на раненом плече; бинт приятно-свежий, перевязка сделана максимум часа полтора – два назад. Значит, бинтовали, пока он в бессознании лежал.... Стало быть, нужен им живой, раз так заботятся. Что радует – хотя, подумавши, радость здесь небольшая. Мало ли для каких целей им живой европеец нужен... Чёрт, пить охота – спасу нет! Этого, что ли, разбудить?

– Эй, часовой! Часовой!

Дремавший у дальнего борта бородач проснулся, спросонья дёрнулся, едва удержав винтовку – что любопытно, не «калаш» и не М-16, а тридцать третий «Хеклер-Кох» под ремингтоновский патрон, хорошую, надёжную немецкую машинку – после чего, протерев глаза, вопросительно уставился на Одиссея.

– Воды дай! Воды! Вассер! Или как там, по-вашему...

Бородач кивнул, достал откуда-то из-за спины здоровенную баклагу, литра на полтора, свинтил крышку, и, перегнувшись через груды палаток – протянул её Одиссею.

Чай! Прелесть какая! Не горячий, но и не едва тёплая бурда, в самый раз пить! Что-то, а чай в здешних местах заваривать умеют...

Одиссей в три подхода опустошил баклагу, благодарно кивнул своему поильцу, а затем, с немалыми усилиями (раненое плечо не сказать, чтоб шибко болело, но туго наложенная повязка изрядно сковывала его действия) перекинул пустую ёмкость владельцу. Тот потряс её над ухом, удовлетворенно кивнул, а затем спросил:

– Аш мысын? – и для наглядности изобразил процесс черпания еды ложкой из миски. Ага, ясно, спрашивает, буду ли я есть. Ну, вот а как ты думаешь, чёртушка, если я последний раз ел в ночь на Крещение – уж не знаю, сколько дней назад? Одиссей согласно кивнул и бросил часовому – скорее, для проформы:

– Буду. Что у тебя на ужин?

Тот не ответил, подтянул к себе рюкзак, достал из него пластиковую коробку, открыл её, и таким же макаром, как и баклагу – протянул Одиссею.

Кило с лишним где-то. Недурно.... Так, что у нас тут на ужин? Ага, судя по запаху – куски жареного мяса, какие-то запечённые овощи, жёлтенькие кругляши – понятно, курага,

какая-то зелень.... По набору продуктов ясно, что эти непонятные хлопцы считают его ценной добычей – каковую надобно содержать прилично; другие на их месте сухой лепешкой и ломтем овечьего сыра ограничились бы – а эти, смотри, почти ресторанный обед ему подготовили. Чтоб, значит, раненый пленник за обильным достарханом позабыл, что он в плену.... Ладно, что там будет впереди – неизвестно, но подкрепиться в любом случае надо – силы нам ещё ох как могут понадобиться!

Ужин (или обед? Чёрт его разберёшь...) оказался недурён. Знать бы ещё, куда мы едем.... У этого, что ли, спросить?

– Сарбоз, куда едем, не скажешь? Мосул, Эрбиль, Багдад?

Тот отрицательно покачал головой.

– Багдатта кетмийор. Диелим бизим комутан гитмек!³

Вот чёрт нерусский.... Ладно, рано или поздно – выясниться, куда мы едем; теперь же, после такого славного приёма пищи... как там говорили, на картошке – «После сытного обеда, по закону Архимеда, полагается поспать»? Ну вот, не будем нарушать традиций – тем более, ночь на дворе.

И Одиссей, улегшись поудобнее, смежил веки – в конце концов, удастся ли ему ещё вот так безмятежно поспать на свежем воздухе в ближайшее время?

* * *

– Что выяснили?

Левченко развёл руками.

– Ничего нового. Источники генерала Третьякова сообщают то же самое, что передал три недели назад Хаджеф – курдские ополченцы двадцать первого января доставили в Мосул, в американскую миссию, труп одного из напавших на патруль. При нем обнаружен паспорт на имя Александра Тищенко, жителя Днепропетровска, гражданина Украины. Поскольку у трупа два пулевых ранения в голову, в область лица, с частичным разрушением костей черепа – то определить, похож ли оный труп на свою фотографию в паспорте, решительно невозможно. Американцы, во всяком случае, официально считают погибшего налётчика Тищенко. Второго нападавшего, чей паспорт и прочие документы были найдены в брошенной на месте боя легкой машине «рено» – гражданина Турции Туфана Сарыгюля – не обнаружено. Ни живым, ни мёртвым. Это всё.

– А сообщение от убиенного на поле брани Тищенко, он же Одиссей, получено через двое суток после его смерти, если точнее – то через пятьдесят два часа.... С того света?

Левченко пожал плечами.

– Может, он его отправил до боя...

Генерал саркастически добавил:

– И шло оно до Москвы два дня и две ночи, потому как вёз его лихой посыльный на игреневом коне.... Так, что ли?

– Всяко бывает...

– Всяко – да не всяко! Мне вон Загородний доложил – его специалисты все проверили, отправлено это сообщение за одиннадцать с половиной минут до получения. Двадцать второго января в семь часов двадцать шесть минут утра по Москве. Когда тело предполагаемого отправителя уже сутки, как в морге в Мосуле загорало. Так что – жив наш Одиссей! А вот его напарник – девяносто девять процентов, что убит. – И тут же, сделавшись серьезным, добавил: – Вот только то, что в течении девятнадцати дней наш парень на связь не выходит – меня серьезно

³ В Багдад не едем. Едем к нашему командиру! (турецк.)

настораживает.... А то, что люди Хаджефа обшарили весь иракский Курдистан и ни одного следочка нашего странника не нашли – настораживает ещё больше!

– То есть вы полагаете, что доставленный в Мосул труп – это тело Туфана Сарыгюля? – Левченко вопросительно посмотрел на своего шефа.

– Получается так. Надо бы, раз уж такая беда, Оксану его известить.... Гончаров передавал, что ничего хорошего она от этого задания не ждала, была уверена, что добром эта поездка не кончится. Вот она добром и не кончилась.... Левченко, простой вопрос на формальную логику – если наш парень жив, но почти три недели о нем, ни слуху, ни духу – что сие значит?

Левченко вздохнул.

– Ничего хорошего. Либо он тяжело ранен и лежит где-то, обездвиженный... либо находится в руках людей, ни разу не заинтересованных в том, чтобы наш парень смог подать о себе весточку.

Генерал кивнул.

– Или то и другое. Что, скорее всего.... В любом случае, мы ему сейчас ничем и никак помочь не сможем – до тех пор, пока он сам не объявится, не важно, каким образом. Согласен?

– Согласен.

– Как он с нами может связаться?

– Телефоны наши оперативные во всех трех сопредельных государствах – в Эрбиле, Диарбакире и Алеппо – он знает. Адреса электронной почты – также. Достаточно ему оказать хотя бы на минуту-другую у таксофона или у компьютера с доступом в интернет – как мы получим от него сообщение. Ну, а дальше – исходя их обстановки...

Генерал кивнул, затем встал, прошёлся по кабинету, закурил – и, выдохнув первый клубок сизого ароматного дыма, сказал задумчиво:

– Знать бы ещё, в чьих он руках нынче находится – всё было бы легче...

* * *

Неизвестность – самая страшная пытка; три недели глухой, безнадежной, иссушающей нервы, холодной неизвестности – куда хуже любых вырываний ногтей и «испанских сапожков» – он это прочувствовал на себе. Отшельники, ушедшие в пустыню от соблазнов окружающего мира, дабы постичь истину – были чертовски крепкими духом дядьками...

Его привезли на рассвете в какой-то заброшенный, по виду – давно оставленный людьми – кишлак (или аул, как у них такие заимки в пустыне называются?). Несколько саманных мазанок, окруженных глухим глиняным забором, десяток чахлах олив, сбившихся в испуганную стайку у ветхого полуразрушенного колодца, арык, в котором уже давно – ни капли воды, и лишь влажная земля на самом дне, бурый от ржавчины остов грузовика на въезде, пыль, тишина.... Правда, люди, как оказалось, в этой обители тоски жили – двое диковатых, заросших жуткими патлами туземцев, а с ними – несколько овец; интересно, чем они кормят их в этой пустыне?

Часовой на пару с водителем сгрузили его у стены, стащили палатки, несколько ящиков, затем минут двадцать что-то монотонно и нудно втолковывали туземцам – а затем, загрузившись в машину, убыли на восток. Одиссей остался один на один с парочкой невнятных существ – неторопливо перетаскивавших в одну из хибар сначала всё сгруженное имущество, а затем, уже к исходу дня – и его, к тому времени уже изрядно проголодавшегося и дико страдающего как от жажды, так и от... как бы это поделикатнее сказать... в общем, её полной противоположности.

Когда Одиссей увидел своё будущее жилище – ему стало чутко не по себе; нет, в плане санитарии и гигиены всё было в норме, помещение было прибрано, у стены стояли две заправленные белоснежным бельём кровати, глиняный пол сиял чистотой. Запах.... Даже не запах – дух у этой комнаты был какой-то скверный, нехороший. Оглядевшись и тщательно осмотрев

обстановку, Одиссей понял, в чём дело – комната, в которой ему надлежало провести неизвестно, сколько времени, была местом, *где умирали*. Здесь явно держали раненых – многих и многих: на полках вдоль стены стояли разные склянки с лекарствами – сотни склянок, полупустых, начатых, полных под пробку, груды упаковок с одноразовыми шприцами теснились на стеллаже, стойка для капельницы, сиротливо притулившаяся в углу, неистребимый запах камфары – всё вместе говорило о том, что эта комната служила в качестве больничной палаты; и, по ходу, далеко не все её временные обитатели выходили из неё на своих ногах...

Аборигены поставили носилки с Одиссеем посреди комнаты и попытались было положить его на одну из кроватей – вот ещё! Одиссей, хоть и с трудом, но встал, проковылял несколько шагов (каждый шаг отдавался в плече резкой, острой болью, но в принципе – было терпимо) и прилёг на той кровати, что размещалась у окошка – махонького, в две ладони, но все же это было окно в мир.

Один из автохтонов, обращаясь к Одиссею, произнёс:

– Бу салона, яшаякаксыныз. Без сизы беслечек ве алмак бакымы⁴.

Хм, а ведь язык этот, по ходу, для автохтона неродной! Ишь, как старательно фразы выговаривает... Сарбоз, из машины – тоже ему медленно и внятно втолковывал, так говорят людям, для которых твой язык – чужой. Ладно, возьмём на заметку – а для начала попробуем понять, что этот туземец только что сказал.

Через полтора часа мучительных переговоров Одиссей выяснил, что двое жителей заброшенного кишлака – хоть и йезиды, но не курды, а арабы-шаммары. И что он в данный момент – единственный их гость; хотя, если он правильно понял их объяснения «на пальцах», обычно в кишлаке залечивают раны сразу несколько человек – для которых из Курдистана приезжает врач. «Доктор» – слава Богу, и по-турецки доктор...

* * *

Последовавшие за заселением в медсанбат, как назвал для себя этот кишлак Одиссей, три недели были удручающе монотонны. Ранний, с рассветом, подъём, завтрак, перевязка, пару уколов – автохтоны, хоть и выглядели дикарями из каменного века, со шприцами и ампулами обращались весьма профессионально – какие-то таблетки и настойки, правда, в весьма щадящих количествах. После медицинских процедур – неспешный и вдумчивый полуторачасовой разговор – если, конечно, эти попытки установления общего языка можно называть разговором – с Мохаммедом (второй, Исмаил, был, что называется, «младшим», и на его долю приходилась в основном работа по хозяйству), несколько новых, старательно заученных, турецких слов. Затем – сон, после него – обед, чтение Корана, изданного в Бейруте в 1982 году, хоть и по-русски, но отчего-то в соответствии с дореволюционной орфографией, с ятями и ижицами (это была единственная книга на русском, найденная им в шкафчике с литературой «для выздоравливающих» – всё остальное было на арабском и турецком), затем очень лёгкий ужин – обычно большая кружка чего-то кисломолочного, похожего на армянский мацони, и лепёшка, щедро посыпанная кунжутным семенем – и отбой, вместе с заходом солнца. Тоска.... Тоска и неизвестность – от которых иногда хотелось выть, как волку, особенно по ночам...

Установленный хозяевами распорядок вначале дико бесил Одиссея – причём не столько своей тупой однообразностью, сколько абсолютным отсутствием хоть какого-то намёка на информацию из внешнего мира – но затем, дней через десять, он смирился с этим. Всё равно изменить что-либо было не в его силах; к тому же в таком прозябании всё же был один, пусть небольшой, но плюс – благодаря неторопливому житью-бытью его раненое плечо довольно быстро заживало, и уже к концу второй недели он мог, хоть и не без труда, действовать правой

⁴ Здесь ты будешь жить. Мы будем тебя кормить и ухаживать (турецк.)

рукой – что позволяло некоторые особо трудные фразы записывать и затем заучивать наизусть. Пища, опять же, хоть и была удручающе однообразной – просыная каша (хозяева называли её «бургуль») с финиками, что-то типа ряженки или простокваши из овечьего молока (по-здешнему – лябан) и кофе на завтрак, суп с фасолью и пшеничная каша с тушёнкой на обед – в принципе, требованиям к калорийности удовлетворяла вполне, хотя и не приносила никакого удовольствия. Да и о каком удовольствии от еды (и вообще – от жизни) можно говорить – когда вокруг, докуда хватает глаз – безжизненная холодная пустыня, а рядом всегда, утром, днём и вечером – две пары чужих глаз, следящих за тобой каждую секунду? Впрочем, иногда туземцы всё же радовали – например, каждый четверг они резали овцу и, разделав её, запекали на огне – что позволяло на денёк забыть об опостылевшей турецкой тушёнке якобы из говядины (на самом деле – чёрт его знает, какое это было мясо, мелко протёртое и утратившие даже намёк на вкус и аромат).

По-прежнему угнетала неизвестность и отсутствие какой-либо информации из внешнего мира; сторожа от любых вопросов типа «вы вообще кто?» деликатно уклонялись, никаких средств коммуникации с остальным человечеством (про радио или телевизор говорить не приходилось, не было даже такой малости, как шум проезжающих машин – за отсутствием в радиусе как минимум полутора десятков миль от медсанбата каких-либо дорог) не имелось в принципе, и единственная информация, которая была все эти три недели ему доступна – это календарь, на котором автохтоны старательно отмечали каждую пятницу – дабы не осквернить себя работой в этот день.

Песок, тишина, однообразная, до смерти надоевшая, еда, до такой же степени надоевшие лица сторожей, безвременье и могильный покой.... Одиссей уже начал привыкать к жизни отшельника – когда в один прекрасный день всё резко изменилось.

* * *

Это произошло примерно через час после обеда – когда Одиссей, по уже выработавшейся привычке, присел с бейрутским Кораном на скамейку во дворе. Читать эту мутную, с трудно воспринимаемой орфографией, книгу дико не хотелось – но, во-первых, чтение Корана делало его в глазах сторожей практически своим, а во-вторых – а чем ему ещё было заниматься?

Итак, продолжим наши занятия богословием – если эту профанацию можно так назвать.... Сура шестьдесят четвертая, «Ат-Табагун». «Славит Аллаха то, что на небесах, и то, что на земле. Ему принадлежит власть и надлежит хвала. Он способен на всякую вещь. Он – Тот, кто сотворил вас. Среди вас есть неверующие, и среди вас есть верующие. Аллах видит то, что вы совершаете». Бр-р-р, муть какая...

СТОП! МОТОР!

Одиссей захлопнул Коран, встал, положил его на скамейку и, не торопясь и старательно вслушиваясь, двинулся к воротам. Так и есть! Звук работающего двигателя ему не почудился – более того, он приближался!

Во двор вышли туземцы – что-то возбуждённо выкрикивая друг другу. Ясно, сегодня они явно никого не ждали.... Ба, да они при оружии! Под меховой жилеткой Мухаммеда опытный взгляд Одиссея обнаружил кобуру с чем-то вроде АПС, а Исмаил старательно прятал в складках своей галабии пистолет-пулемет «хеклер-кох» – тот, что в Неметчине носит кличку «курц» за свои сверхмалые размеры. Любопытно, весьма любопытно...

Впрочем, терзаться неведением им долго не пришлось – минут через пять у ворот остановился автомобиль, хлопнули две дверцы – и в калитку постучались, причём постучались уверенно, по-хозяйски. Исмаил тут же бросился открывать, Мухаммед остался стоять на месте – едва заметным движением сдвинув кобуру поближе к распаху жилетки. Одиссей с настороженным любопытством смотрел на ворота – интересно, кого же это принесла нелёгкая?

Нелёгкая принесла, судя по почтительному поклону Исмаила, хозяев здешней заимки – во двор через настежь распахнутую калитку вошли двое мужчин, одетых пусть неброско и практично, но явно недёшево. Один из вошедших был, на первый взгляд, без оружия, на плече у второго висел карабин М-4, «бюджетный» вариант американской штурмовой винтовки М-16 – что несколько удивило Одиссея: карабинчик так себе, капризный и требовательный к уходу, «хеклер-кох», что у Исмаила – куда как надежнее; впрочем, в качестве бортового оружия – «американец» был намного эффективнее любого пистолета или пистолета-пулемета, скорее всего, именно за это его и выбрали... Все эти мысли промелькнули в голове у Одиссея буквально за секунду – пока визитёры неторопливо входили во двор их «штаб-квартиры».

Мохаммед тут же переломился в поклоне, Одиссей, не зная, как себя вести, осторожно рассматривал вошедших мужчин. Однако, хлопцы, судя по всему, жизнью тёртые.... Иссеченные пустынным ветром, дублёные лица, привычные к оружию крепкие руки, поджарые, сухопарые фигуры.... Да, это не разожравшиеся на американских дармовых харчах курды из Эрбиля или Мосула; эти – не бараны для заклания, куда больше им подходит – волки пустыни. С такими надо держать ухо востро...

Первый из вошедших, тот, у которого не было оружия – посмотрел на Одиссея и, обратившись к Мухаммеду, что-то спросил. Тот, торопясь и запинаясь, начал что-то объяснять – но вошедший мужчина, махнув рукой, отвернулся от старшего сторожа и, повернувшись к Одиссею, спросил:

– Как ваша рана?

ОГО! По-русски! Одиссей прижал руку к сердцу и, чуть поклонившись, ответил:

– Благодарю вас, уже практически зажила.

Старший из вошедших (а он явно был старший, тот, второй, с карабином – был или охранником, или водителем, или тем и другим вместе – но явно подчинённым) удовлетворённо кивнул и, оглядев двор, спросил:

– Мы можем поговорить?

Одиссей кивнул:

– Да, конечно.

– Тогда пройдемте в дом. Или, пожалуй, лучше на террасу – там нам будет уютней. – И, обернувшись к Мухаммеду, что-то бросил ему вполголоса по-арабски. Старший сторож, быстро поклонившись, скорым шагом направился к террасе, на которой они обычно пили чай. Собеседник Одиссея движением руки предложил ему следовать туда же.

Они устроились на террасе; пока Мохаммед накрывал стол, суеился с чашками, тарелками и блюдами, наливал чай – над столом висела настороженная тишина. Когда же старший сторож, закончив сервировку, удалился – приезжий, не торопясь, сделал глоток, поставил чашку на стол и промолвил вполголоса:

– Вас ищут.

Странно, если бы было наоборот.... Вот только вопрос – кто? По ходу, слова этого пассажира – очень старательно закамуфлированная угроза. Он мне угрожает.... Зачем? Чтобы просто напугать? Вряд ли, просто так здесь ничего не делается. Чтобы занять выигрышную позицию? Скорее да. Зачем? Чтобы иметь козыри в разговоре. То есть он что-то хочет от меня – вопрос лишь, что?

Одиссей вежливо, одними губами, едва заметно улыбнулся.

– Всех нас кто-нибудь когда-нибудь ищет.

Хозяин – Одиссей решил называть его про себя Хозяином – покачал головой.

– Все мы во власти Аллаха, милостивого и милосердного.... – А затем, промолчав, добавил: – Вас ищут американцы.

Одиссей пожал плечами.

– Они много кого ищут.... Особенно здесь, на Востоке.

– За вашу голову фирма «Блэкуотер» ставит сто тысяч долларов. Здесь, в Курдистане, это – большие деньги.

Угроза уже явная. И про Курдистан – с нажимом... значит, ни в каком мы не в Курдистане. Курдистан – это горы; много здесь вокруг гор? Голая мёртвая пустыня. Скорее уж Сирия. Сирия? Пожалуй, да.

Одиссей на мгновение глянул в глаза своему визави, а затем согласно кивнул.

– Сто тысяч – везде большие деньги.

Надо мягко указать парняге, что он здесь – не просто попавший в передрагу стрелок-любитель, он – часть СИЛЫ, и эта сила, случись что, будет за него предъявлять счета.... Попробуем тонко на это намекнуть – собеседник, по ходу, человек понимающий....

Одиссей взял свой стакан, не спеша, выпил уже немного остывший чай, отломил кусочек лепёшки, не торопясь, прожевал его – а затем, вздохнув, сказал вполголоса:

– В пустыне нельзя ничего скрыть – ветер разносит вести быстро...

Хозяин поджал губы – едва заметно, но всё же.... Понял намёк? Скорее всего, да. Эвон как правой рукой скомкал салфетку.... И чашку взял чуть-чуть резче, чем надо – стало быть, понимает, кто и в какие игры здесь играет...

Собеседник Одиссея, выпив чаю, улыбнулся – одними губами, глаза по-прежнему оставались холодно-жёсткими – и сказал:

– Вы можете не волноваться об этом. Гость – благословение Аллаха. Пока вы мой гость – вы в полной безопасности. Американцы могут искать вас хоть до возвращения имама Махди – они лишь собыют каблук своих сапог.

Хорошенькое словечко «пока» – многое объясняет.... А он шиит, по ходу. Хм, странно – иракские арабы в большинстве своём сунниты, да и в Сирии они в подавляющем большинстве. Странно, если не сказать больше.... Так, и чего хочет этот чёрт? Понятно, что вот так запросто сдать меня американцам он не решится – об этой его шалости через сутки станет известно всем в Курдистане, и в том числе – Хаджефу. Курды из Мосула – или где там американцы принимают пленных шпионов по штуке баксов за килограмм живого веса? – сдадут его влёт, как стекло-тару, и даже не за деньги, а так, по своей глупой болтливости. После этого я не дал бы за голову этого кренделя и медного персидского шая.... Да и сто тысяч для него – по-любому не деньги. Во всяком случае – ТАКОЙ ценой. Но он явно намекает на то, что я ему нужен. Зачем? Для чего? Согласится – не зная предмета? Махом в мутную воду? А какие есть варианты? Отказаться и продолжать мягко и ненавязчиво угрожать Хаджефом и его людьми.... Хм, Хаджеф далеко, да и практика изошрённых предательств и тщательно запутанных измен здесь богатая, не одну тысячу лет в этих горах и пустынях предавали и изменяли. Так что способ сдать меня «Блэкуотеру» – если я упрусь рогом – этот парень найдёт.... Или второй вариант, уже без этого самого «Блэкуотера» – если я сейчас не соглашусь оказать ему некую услугу, которая ему от меня требуется и в видах которой он вытащил меня из той кровавой рубки у селения Закхо – какие тогда у меня шансы увидеть родной дом? Никакие, если говорить прямо, шансы – вот эти два диких туземца ночью зарежут меня, как давешнего барана, и в лучшем случае закопают за околицей. А в худшем.... Даже думать не хочется! Значит, будем соглашаться – опять же, благодаря этому, возможно, удастся выйти в свет, добраться до телефона или компа с выходом в Интернет.... Игра стоит свеч!

Одиссей налил себе из чайника свежего чаю, сделал глоток, и, поставив стакан на стол – спросил:

– Я могу что-то сделать для вас? В благодарность за спасение и за избавление от ран?

– Говорят – сделай добро и брось в реку Тигр.... Вы – мой гость. Недостойно мусульманина брать плату за гостеприимство.

Ага, значит, реально что-то надо. И что-то такое, на что не способны его сарбозы.... Вот только что?

– Я не говорю о плате. Я говорю о помощи. Почёл бы за честь сделать хоть что-нибудь для такого благородного господина.... Всё, что в моих силах!

Хозяин кивнул.

– Мы поговорим об этом завтра. Сегодня я хочу, чтобы вы рассказали мне, как там Украина. Я учился в Киевском университете, правда, очень давно.... Девушки там по-прежнему столь же сладостно прекрасны, как и двадцать лет назад?

Одиссей про себя вздохнул. Официальная часть переговоров закончена, стороны пришли к консенсусу. Завтра этот пустынный Аль-Капоне объявит ему цену крови. Главное, чтобы она не была чересчур высока...

* * *

– Ты надоел мне со своими придирками! Я что, не могу даже в Брно съездить? У нас – тюремный режим? Какого чёрта! Отдай мои ключи!

– Лена, не дури! Я же тебе всё объяснил!

– Что ты мне объяснил? ЧТО? Что ты пуганая ворона и любого куста боишься?

– Мне не нравится, что ты едешь по магазинам, мне не нравится, что ты по полдня таскаешься по людным местам, что звонишь, наконец, этой своей Наталье. Ты знаешь, ЧЕМ это может быть чревато?

– Я ей не звоню, мы с ней просто переписываемся по электронной почте.... Надо же мне хоть с кем-то общаться? Не с этими же клухами-соседками! Если б я знала, чем закончится этот твой отъезд – ни в жизнь бы не согласилась!

В комнате повисла нервная тишина. Мужчина, тяжело вздохнув, подошёл к своей собеседнице и, взяв её за плечи, усадил на диван, сам сев напротив, в большое уютное кожаное кресло.

– Леночка, давай ещё раз поговорим – спокойно и без истерик.

Женщина метнула на своего визави негодующий взгляд.

– А кто здесь истерит?!

– Хорошо, хорошо, давай просто поговорим.

Женщина покачала головой.

– С тобой трудно говорить спокойно – со всеми твоими маниями и фобиями. – И, уже на полтона ниже: – Ладно, давай обсудим ситуацию. Только, Игорь, пожалуйста – не надо драматизировать и заламывать руки, хорошо?

Тот, кого она назвала Игорем – молча кивнул. А затем, налив себе в стакан немного тёмно-янтарной жидкости из массивного хрустального графина – махом его выпил. Довольно выдохнув, подождал пару минут – а затем продолжил:

– Лена, мы здесь живём уже больше года, слава Богу, тихо и мирно, дети ходят в школу, нас с тобой приглашают на все здешние мероприятия, мы – уважаемые люди. Для всех окружающих мы – русская семья из Сербии, причём семья не бедная. Мэр был у нас на Рождество.... Сколько нам с тобой осталось потерпеть? От силы год. Твой отец регулярно информирует меня о ситуации с прокурорскими... ну да ты сама всё знаешь. Если самим не переть на рожон – все устанут и мы сможем либо вернуться в Москву, либо переехать в Лос-Анджелес, как ты этого хочешь, под своими именами, и жить там нормальной жизнью. Ты ведь этого хочешь?

Лена молча кивнула.

– Ну вот, а для этого нам надо дождаться, пока моё дело не закроют и не сдадут в архив. Тесть делает для этого всё возможное. Но ты...

– А что – я? – в голосе женщины вновь проскользнули истеричные нотки.

– А ты делаешь всё, чтобы какой-нибудь прокурорский клерк однажды далеко не самым добрым утром узнал, что разыскиваемая семья Игоря Тевзеева живёт-поживает в городке Виловице!

– Что я делаю? – На этот раз – уже куда резче.

Мужчина вздохнул.

– Ты едешь в Брно и Прагу, покупаешь дико дорогие вещи. За истекшие три месяца – на миллион сто тридцать тысяч крон. Я нашёл чеки у тебя в чехле от телефона.

Это ничуть не смутило даму.

– И что? Ты ведь не для того украл те полтора миллиарда, чтобы я ходила в обносках?

Мужчина досадливо поморщился.

– Лена, ну зачем ты так? Украл.... Слово-то какое... плебейское.... Умело организовал финансовую сторону проекта – мне нравится куда больше! И потом – я же не себе их взял, это наши общие деньги.

– Вот именно – общие! И я имею право тратить их так, как захочу! В конце концов, что такое для нас миллион крон? Тридцать тысяч долларов, меньше, чем ничто!

Мужчина тяжело вздохнул.

– Дело не в сумме. Дело в том, что ты делаешь покупки в дорогих бутиках, где посетители редки, а покупатели – и того реже. Ты известна в лицо всем продавщицам из магазинчиков «Прадо» и «Гуччи», что на Старомесской! И, в конце концов, ты там повстречаешь кого-нибудь из наших старых знакомых...

– И что с того? – С вызовом спросила Лена.

– А то, что, учитывая невероятную болтливость твоих подруг, через неделю всем нашим знакомым в Москве станет известно, где мы отсиживаемся. ВСЕМ! В том числе и тем, кто совсем не желает нам добра...

Женщина немного смутилась, но затем с вызовом спросила:

– Ты что же думаешь, я всем буду рассказывать, где я и что я? Да даже если я увижу кого-нибудь из наших прежних знакомых – что я, дура, рассказывать ему про этот туземный городишко? Скажу, что живу.... ну, в Австрии, например!

Мужчина опять вздохнул.

– Ладно, согласен. Хотя.... Ладно, будем надеяться, что в случае нечаянной встречи с кем-нибудь из знакомых ты так и скажешь. – В голосе Игоря слышалось весьма явное сомнение. Он продолжил: – Второе. Зачем ты переписываешься с Натальей?

Лена победно улыбнулась.

– А вот здесь ты можешь ничего не бояться! Я пишу ей, что живу в Англии!

Игорь развёл руками.

– Лена, ну откуда ты знаешь, как живут в Англии? Она же бывала в Лондоне с отцом раз двадцать, она поймает тебя на лжи махом!

– А вот и нет! Я читаю блог одной девушки из Дорсетшира, она – дочь одного из беглецов по делу «Юкоса». Очень занимательно описывает бытовые мелочи! Так что Наташка уверена, что я в Англии, на двести процентов.... И вообще – ради чего ты затеял эту свару? Ну не из-за этого несчастного миллиона крон, ведь правда?

Игорь тяжело вздохнул.

– И из-за него тоже.... Тесть тут мне недавно написал, что меня зачем-то старательно ищут мои албанские партнеры по той сделке.... И вот это мне очень не нравится!

Женщина беззаботно махнула рукой.

– Какие мелочи! Поищут-поищут, да и перестанут! Они же не прокуратура!

– Вот в том-то и дело, что не прокуратура.... Ладно, будем надеяться, что всё обойдется! Но помни, что ты мне обещала!

Лена согласно кивнула головой.

– Конечно, дорогой! Всё сделаю, как ты мне велишь! А теперь ты отдашь мне ключики от моей машинки?

* * *

В кабинете генерала Калюжного было тихо – тихо так, что слышно было, как работают вентиляторы охлаждения хозяйского компьютера; сидящие у стола офицеры молчали, на лицах и у подполковника Левченко, и у майора Ведрича застыло выражение тревожной настороженности. Генерал тоже молчал – нервно затягиваясь очередной сигаретой; перед ним стояла пепельница, до краёв забитая окурками – что в последний раз было, как помнил заместитель начальника Управления, назад тому лет пять, не меньше.

Наконец, хозяин кабинета прервал тягостное молчание.

– Ну и какие мысли по этому поводу, товарищи офицеры?

Подполковник Левченко только отрицательно покачал головой. Майор Ведрич хмуро бросил:

– Нет мыслей. Шаром покати...

Калюжный тяжело вздохнул.

– И самое поганое – что понимаешь, что сделать в этой ситуации ты ничего не можешь. Так, Левченко? Правильно я понял твоё молчание?

Подполковник уныло кивнул.

– Куда уж правильнее...

Генерал встал из-за стола, прошёлся по кабинету, включил – и тут же выключил телевизор (успевший, впрочем, что-то пробубнеть про очередное «стратегическое партнёрство»), достал новую сигарету, и, досадливо скомкав её – в сердцах выбросил в сиротливо стоящее у дверей ведро для мусора.

– Промазал, чёрт! – а затем, вернувшись за стол, опять открыл папку с утренним донесением. Подняв его к глазам, прочитал ещё раз: – Кишлак Эль-Газейла, двадцать семь километров на юго-запад от селения Абу-Хаджейра. – А затем, помолчав, добавил: – Лучше бы ему было погибнуть в том бою...

В кабинете вновь стало тихо – как на кладбище. Впрочем, ненадолго – мрачное молчание понуро сидящих офицеров прервал телефонный звонок. Генерал поднял трубку, выслушал своего невидимого собеседника – а затем коротко проронил:

– Давай.

Через три минуты в дверь постучали. Калюжный досадливо поморщился:

– Нашёл время церемонии разводиться! – И уже громче: – Заходи, вежливый ты наш!

Дверь приоткрылась, и в кабинет бочком протиснулся подполковник Крапивин, держащий в руках тёмно-бордовую кожаную папку.

– Разрешите, Максим Владимирович?

– Получил?

– Так точно!

– Ну, давай, рассказывай. Может, чего полезного и нарыл... – В голосе генерала проскользнули нотки надежды.

Вошедший подполковник деликатно присел у дальнего конца стола и, раскрыв папку, вопросительно посмотрел на хозяина кабинета. Сидевшие за этим же столом офицеры приготовились было встать и уйти – но генерал махнул рукой:

– Это по нашему делу. Всех касается. Давай, Крапивин, не томи.

Подполковник кивнул.

– Начну с того, что вы все уже знаете. Источник... – Генерал поморщился, и Крапивин поправился: – Хаджеф сообщает, что один из его раненных бойцов, направленный на излече-

ние в селение Эль-Газейла, точнее – в полевой госпиталь, размещенный в этом селении, выяснил в частной беседе с проживающими там охранниками, что двадцать второго или двадцать третьего января туда был доставлен европеец славянской внешности, раненый в плечо и тяжело контуженный взрывом мины. Причём раненый недалеко от селения Закхо – по словам водителя грузовика, доставившего его в этот госпиталь. Далее. По словам охранников, этот человек был родом с Украины. Привезли его члены группировки Али Умара. Через три недели, то есть шесть дней назад, тринадцатого февраля, Али Умар, прибыв в госпиталь собственной персоной, забрал оттуда этого европейца. Как сообщает Хаджеф, банда Али-Умара известна тем, что занимается захватом военнослужащих коалиционных сил в Ираке с целью дальнейшего их использования в качестве доноров человеческих органов. Четверть выручки они сдают братьям-мусульманам, четверть – их противникам, так что их бизнесу ни те, ни другие не мешают. Поэтому, собственно говоря, им дозволяются подобные... хм... шалости. Хаджеф полагает, что проходивший лечение в Эль-Газейле украинец – есть наш Одиссей. Также он думает, что люди Али Умара, случайно оказавшиеся недалеко от места боя, который вёл Одиссей со своим курдским товарищем против преследовавших транспорт со специальным грузом ополченцев, захватили тяжело раненного нашего парня. С тем, чтобы, поставив его на ноги – отправить... по известному маршруту. – Последние слова дались Крапивину с трудом. Но, справившись с комком в горле, он продолжил: – Все попытки Хаджефа выйти на связь с Али Умаром с целью обмена вышеназванного украинца на двоих пленных англичан провалились – никто не знает, где теперь этот Али Умар. В Курдистане его сейчас нет.

Крапивин прервался, налил себе стакан минералки, выпил – а затем продолжил:

– Тем не менее, полагаю, что ситуация не настолько трагична, как мы решили сегодня утром, после получения информации от Хаджефа. Дело в том, что я связался со своим агентом в Албании, и только что получил кое-какие новости – весьма неплохие. Так вот, докладываю: мой источник в Шкодере, имеющий контакты с албанскими бандитами, работающими с Али Умаром, в том числе и в деле торговли органами, утверждает, что между этими двумя группировками в настоящее время возникли серьезные разногласия. Якобы люди Али Умара не получили полного расчета за поставленную в январе партию наркотиков. Более того, в порту Латакия ими были убиты трое албанцев, которые для расчета за героин привезли фальшивые доллары. Сейчас отношения между Али Умаром и его компаньоном в Албании, Беджетом Харадингой, весьма ухудшились. Мой источник полагает, что до тех пор, пока Харадинга не произведет полный расчет за поставленный героин – ни о каких совместных делах с Али Умаром речи быть не может. Из чего я делаю вывод – наш Одиссей пока в относительной безопасности. ПОКА и ОТНОСИТЕЛЬНОЙ – но всё же у него есть шанс...

Генерал махнул рукой.

– Какие там шансы! Сегодня эти вурдалаки друг друга убивают, завтра корешатся.... Это бизнес, деньги. За деньги они маму родную продадут на запчасти! А уж случайного человека – ну, тут им уж сам аллах велит не церемониться, благо, спрос на органы в Европе постоянный и платежеспособный... Этот, твой источник – что говорит по поводу места... Вот чёрт, даже говорить мерзко!.. По поводу места разделки людей?

Крапивин тяжело вздохнул.

– Этого он не знает. Где-то в Косово...

– Где у нас ни агентуры, ни возможностей силового воздействия. – Мрачно подытожил Калюжный.

– Товарищ генерал, разрешите? – Негромко обратился Ведрич.

– Разрешаю. Что именно? – Калюжный с любопытством посмотрел на майора.

– Я вот что думаю: пока Одиссей на Ближнем Востоке – он в безопасности. Никто его в этой пустыне резать не будет, нет смысла. Если уж его и отправят ... на ЭТО дело.... То только

здесь, в Европе. Ну, то есть на Балканах. В Албании или в Косово, не важно – главное, что на этом берегу.

Генерал кивнул.

– Это понятно. Что конкретно ты хочешь предложить?

– Купить Одиссея.

– ЧТО!?!?

Майор не обратил внимания на вспышку генеральского гнева и хладнокровно продолжил:

– Купить. У албанцев. Здесь, в Европе. Раз не удалось вызволить его там. Нам нужно будет довести до сведения этого чёрта.... Как ты его, Егор, назвал?

Крапивин заглянул в папку и ответил:

– Бюджет Харадинга.

– До сведения этого Бюджета, что мы готовы купить у него доставленного из Ирака украинца. Но только живого, пусть и по цене ... хм... по цене запчастей. Ну, то есть мы готовы компенсировать этому бандиту всю его неполученную прибыль. До последнего фартига!

Генерал почесал затылок.

– А это мысль! Крапивин, твой агент сможет эту информацию донести до нужных ушей?

Подполковник пожал плечами.

– Полагаю, да. Он и сам мелким криминалом промышляет, возит в Италию разную контрабанду и искателей лёгкой жизни, так что кто есть кто в криминальном албанском обществе – знает не понаслышке.... С самим Бюджетом этим он не пересекался, но знает людей, которые с ним работают. В предложении нашем ничего сверхъестественного нет, обычная сделка, мы покупаем товар, который нам нужен, Бюджет его продаёт – если, конечно, сойдемся в цене.... Ведь сойдемся?

Генерал вздохнул.

– Моя бы воля – я бы, вывезя всех оставшихся в Косово сербов, над Приштиной взорвал бы заряд, килотонн на двести.... Чтоб обо всем этом дерьме больше никогда не слышать! – А затем добавил примирительно: – Сойдемся, тут ты можешь не волноваться. Любые деньги заплатим. – И прибавил: – И собирайся ты, милый мой друг, завтра в Тирану – «Люфтваганзой» или «Алиталией». Завтра!

– Значит, мне сейчас связаться со своим агентом?

Калюжный кивнул.

– Связывайся! И чтобы этот Бюджет, как Ведрич говорит, уже завтра утром знал, что мы готовы заплатить за нашего парня столько, сколько он захочет, и в любой валюте, хоть золотом! – Генерал замолчал, тяжело вздохнул и добавил: – Хотя, конечно, куда правильнее было бы с ним рассчитаться доброй пригоршней свинца...

* * *

Шум волн убаюкивал, навевал покой и сонную полудрёму. Где-то в глубине шхуны неторопливо и как-то по-домашнему стучал дизелёк – в четверть силы; да и правильно – куда торопится рыбацкой посудине? Очень редко с верхней палубы доносились негромкие голоса – двух или трёх человек, максимум; оно и верно, пока судно идёт к месту промысла – зачем наверху лишние люди? Рыбаки должны спать, набираться сил...

Вот только рыбаков ни в большой каюте под полубаком, ни в двух малых – на юте, за грузовым трюмом – не было; а были люди, о ремесле оном имевшие очень смутное понятие...

Одиссей сидел за столом, бесцельно раскладывая пасьянс – в этот час он был единственным, кому не спалось в большой носовой каюте, все остальные её насельники пребывали в объятиях Морфея. На грубо сколоченных рундуках (где, по ходу, хранились запасные сети и

прочий рыболовный инвентарь) вдоль правого борта спали три молчаливых араба, которых притащил с собой этот загадочный дядька из Курдистана – причём спали мёртво, как убитые. Или умаялись до крайней степени усталости, или – что верней – приняли дозу чего-то сугубо натурального и полезного для здоровья, скорее всего – гашиша. Ни огнестрельного оружия при них, ни прочих обычных для жителя пустыни вещей – типа ножииков размером с римский меч – не было. То есть перед тем, как завалиться спать – Хозяин их старательно лишил всякой амуниции. Предусмотрительно, ничего не скажешь.... На подвесной койке по левому борту дрых сменный рулевой – во всяком случае, Одиссею показалось, что именно таковы функции этого кренделя непонятной национальности на шхуне. Вторая такая же койка пустовала – она предназначалась для пленника, но Одиссей предпочёл бодрствовать – в робкой надежде понять, где он оказался и куда движется их кораблик. Получалось пока не очень...

Конечно, если бы он был Джеймсом Бондом – то никаких проблем бы не было. Тремя ловкими ударами он бы лишил спящих арабов возможности к сопротивлению, напугал бы до полусмерти рулевого, а затем постучал бы в дверь каюты и обезоружил бы вошедшего сторожа; после чего захватил бы шхуну и, взяв управление ею на себя – повернул бы к берегам любезного Отечества. Одна неувязка – он не Джеймс Бонд, и где находится вышеозначенное Отечество – представляет себе весьма смутно. Ну, то есть север определить он бы, пожалуй, смог, но это и всё. Разные галсы и румбы, секстаны и астролябии (с помощью каковых, как он помнил из книжек, принято вычислять место судна и его курс) для него – китайская грамота, мягко говоря.... Правда, можно сигануть с борта в море и вплавь добраться до земли – но, во-первых, будет ли в пределах видимости какая-нибудь земля, а во-вторых – доплывёт ли он до неё? Чай, февраль месяц, вода в море – хоть и Средиземном – градусов семь, от силы. Свежо.... В такой воде полчаса поплавай – и всё, время склеивать ласты и уходить на грунт, как тот Ди Каприо в «Титанике»...

Всё же хорошо разным киношным героям! Их враги – сугубые придурки, желающие только одного – быть подстреленными вышеозначенным героем, неловкие, косорукие и бестолковые. Ну а у героя – полный набор разных шпионских штучек: стреляющие авторучки, часы-мины, галстуки во встроенной лебедкой с сотней метров стального каната, ботинки с выскакивающими лезвиями и прочая шняга; имея такой набор – грех не одолеть супостата! Да к тому же киношные герои – это, как правило, поголовно ветераны разных спецназов и мастера всевозможных единоборств, с лёгкостью крушащие стены и дробящие кости врагов одним только взглядом.... Эх, жаль, что он, Одиссей – не киношный герой, не мастер кун-фу и не боец специэл форсиз. Ему придется выпутываться из этой ситуации, не очень надеясь на стреляющие авторучки и умение лишать врага сознания лишь силой своей мысли...

Ага, моторчик стих совсем; стало быть, легли в дрейф. Зачем? Ну не рыбу же ловить.... Дебаркация? Вряд ли, на баке не слышно никаких движений, характерного шума брашпиля... или они с кормы якорь отдают? Чёрт, не посмотрел....

Так, к дверям кто-то подошёл.... Двое. Ну что ж, милости просим, гости дорогие!

Звякнули ключи, дважды хрустнуло в замке, дверь в каюту распахнулась – и на пороге появился давешний Хозяин, за которым маячил всё тот же водитель-охранник, с которым Одиссей встретил его в забытом Богом пустынном «медсанбате».

Хозяин со своим бодигардом вошёл в каюту, взглянул на своих нукеров, что-то бросил через плечо спутнику – и, улыбнувшись, обратился к Одиссею:

– Ну вот, мы и добрались до цивилизации! Дальше поплывём намного комфортнее!

– Дальше? – Ага, значит, будет пересадка. В открытом море, что ли? Или мы в какой-то бухточке? «Зеленая стоянка» это у яхтсменов называется, кажется...

– Да, дальше – в Европу! – и Хозяин снова улыбнулся.

Тем временем его спутник бесцеремонно разбудил всех трех арабов – надо сказать, весьма резво вскочивших на ноги. Хм, а я полагал, что их из пушек не разбудишь...

Все вместе они поднялись на верхнюю палубу. Одиссей похвалил себя за давешнее бодрствование при тусклом свете одинокой лампочки – глаза его довольно быстро привыкли к ночной тьме – которая постепенно становилась не столь уж и крошечной.

Ага, так и есть – стоим с подветренной стороны какого-то острова, в небольшой и довольно уютной бухте. Оба-на! Яхта! Ни фиги себе.... Тонн сорок, не меньше! Белая, красивая, даже, пожалуй, роскошная, две мачты со свёрнутыми парусами.... Только отчего-то без ходовых огней. И ни один иллюминатор не светится! Однако... А яхта-то, по ходу, с душком.... С нехорошим душком, господа присяжные заседатели!

На шканцах шхуны загудел моторчик. Ага, ясно – один из членов команды «рыбака» с помощью компрессора принялся надувать резиновую лодку. Борт о борт, стало быть, становится не хотят – хотя море спокойное. Боятся повредить красавицу-яхту? Или не хотят, чтобы на её белоснежном борту остались следы от швартовки грязной и ржавой рыболовецкой шхуны? Пожалуй, второе.

Компрессор затих, надувная лодка, расправив тугие бока, заняла едва ли не весь четвертьдек. Хозяин что-то коротко бросил своим бойцам – и они тотчас же бросились к шканцам. Однако, и дисциплина в этой банде...

Лодку спустили на воду быстро и довольно ловко – из чего Одиссей сделал вывод, что подобные операции этим людям не в новинку. Ну да, контрабанда всегда была актуальным занятием на Средиземноморье – задолго до нынешних времен...

– Прошу вас! – Хозяин сделал приглашающий жест в сторону пляшущей на воде (хоть море и спокойное, но мелкая зыбь все же наличествует – на шхуне она не заметна, а вот на лодочке будет тряско...) утлой посуды. Ну что ж, раз просят... Ага, а нукеры-то, по ходу, вооружены! Когда успели? У всех троих – «курцы» хеклеркоховские, недешёвые пукалки, однако....

По короткому штурмтрапу Одиссей вслед за двумя бойцами спустился в лодку – и вслед за ним с борта шхуны ловко спустились третий сарбоз, Хозяин и его телохранитель. На бортах лодочки были укреплены четыре весла – за которые тут же взялись молчаливые нукеры и хозяйский адъютант. Несколько дружных сильных гребков – и вот он, белоснежный борт этой донельзя подозрительной яхты.

Здесь их ждала уже не веревочная лесенка, а полноценный трап. По которому в таком же порядке – сначала два нукера, потом Одиссей, потом ещё один боец, Хозяин и, последним, его бодигард – они поднялись на борт; лодка же чудесным образом двинулась назад, к шхуне. Ага, понятно, хозяйский порученец перед отправлением пристегнул к кормовому кольцу лодки бакштов – за который теперь эту лодку экипаж шхуны и смог вернуть обратно. Как у них всё, однако, отработано...

Одиссей осмотрелся. Немного тут увидишь, посреди ночи.... Флаг греческий, понятно. Περσεφόνη – надпись на спасательном круге; вот дьявол, знал бы, что случится такая беда – поучил бы греческий язык.... Хотя, если напрячь мозги, перевести можно... «Персефона»? Скорее всего, так.

– Пройдёмте, нам надо поговорить. – Хозяин махнул рукой в сторону мостика.

Одиссей молча кивнул и последовал за своим визави. Трое арабов, переправившихся на яхту вместе с ними, как будто растворились в ночи – за Одиссеем пружинящим шагом двинулся лишь хозяйский телохранитель. Ну да, здесь им уже бояться нечего – прыгать в воду с этого борта смысла особого нет, окажешься между яхтой и шхуной, выловят, как камбалу... стыда потом не оберёшься.

Втроем они вошли в большую каюту, расположенную под ходовым мостиком – у Одиссея от обилия полированного дерева, бархата и сверкающей бронзы поначалу аж заболели глаза. Однако, теперь понятно – что это такое, «бьющая в глаза роскошь».... Тут её, пожалуй, чересчур! Сплошной винтаж, как говорится; такие салоны были модны, наверное, в двадцатых

годах прошлого века, сейчас яхты оформляют всё больше в стиле хай-тек; палисандр, бархат и бронза – это, по мнению современных хозяев жизни, кич и дурной тон, более надлежащий интерьеру публичного дома, нежели морскому судну. Хотя здесь весь этот антиквариат смотрится стильненько, ничего не скажешь. Ага, а иллюминаторы-то все задраены наглухо...

– Присаживайтесь. – Хозяин был – сама любезность. Чёрт, ничего хорошего от этого ждать не стоит...

– Абдул, кофе! – это – телохранителю. Демонстративно – по-русски. Чтобы, стало быть, я понял, что бодигард – тоже участник переговоров. Странно...

Вдвоём они уселись в старомодные, упоительно мягкие, удобные кресла, обитые бордовым бархатом. Через минуту на маленьком низком столике из палисандрового дерева, украшенном причудливой резьбой (хм, недешёвый, однако, антиквариат, по виду – конец позапрошлого века, привет из Леванта) Абдул расставил чашки с кофе и соответствующий напиток-реквизит. Почти прозрачный английский фарфор (Веджвуд? Пожалуй...), волшебный аромат напитка (дурацкой робустой здесь не баловались. Мокко?) – создавали ощущение чего-то ирреального. Всё же этот Хозяин – изрядный сибарит...

– Я хочу вернуться к нашему разговору. – Хозяин взял со столика изящную чашечку сливочного оттенка, отхлебнул кофе, улыбнулся от удовольствия.

Одиссей тоже сделал глоток. Боже, какая прелесть! Впрочем, его сюда не кофе смаковать привезли...

– Я внимательно вас слушаю.

Хозяин кивнул.

– Хорошо. Я пригласил вас совершить эту поездку для того, чтобы вы, если сочтете возможным, оказали мне помощь в поиске одного человека.

Хм, «пригласил».... Как будто у меня был выбор!

– Кого?

Хозяин снова выпил кофе, покачал головой, причмокнул от удовольствия. А он гурман, по ходу...

– Один мой друг задолжал мне небольшую сумму. Я хочу, чтобы вы его нашли и объяснили ему, что обманывать друзей – невежливо.

– Кого и где я должен искать?

– Вашего соотечественника. В Европе.

ОГО! Да он юморист, как я погляжу...

– В Европе живёт полмиллиарда человек. Вряд ли я смогу вам помочь в этих поисках...

Хозяин, улыбнувшись, отрицательно покачал головой.

– Не спешите отказываться, мой друг! У меня есть веские причины полагать, что вы справитесь с этим делом!

– Какие же? Я простой наёмник, мне заплатили за определенную работу, предел моих возможностей – провезти через границу партию контрабанды.... Для вашей же задачи нужен другой человек! С совсем другими возможностями...

Хозяин ещё раз улыбнулся.

– Не скромничайте. Вас искали не только американцы. Вас искал один весьма серьёзный человек – Омар бен-Тапал. Причём очень активно искал.... Мне пришлось немало потрудиться, чтобы вывезти вас в Латакию и уйти в море на рыбацкой шхуне так, чтобы люди уважаемого Омара не выследили нас.

Одиссей пожал плечами.

– Ну и что? Искал, не нашёл.... Это ничего не значит.

Хозяин улыбнулся – на этот раз вполне искренне.

– Очень многое значит! Уважаемый Омар бен-Талал работал на Советский Союз ещё в те времена, когда я пас овец бесштанной мальчишкой. Он из Йемена, учился в Москве.

– Советского Союза нет уже тринадцать лет...

Хозяин кивнул.

– Советского Союза – нет. А советская агентурная сеть – есть. Только теперь она стала российской.

Одиссей пожал плечами.

– Ну и что? У многих стран на Востоке есть агентура...

– У многих. Но у меня есть основания считать, что уважаемый бен-Талал – не просто бывший агент Советов. Я полагаю, что он **ДЕЙСТВУЮЩИЙ** агент! Более того, думаю, что он не просто агент – подозреваю, что он возглавляет русскую агентуру в Ираке.

Одиссей развёл руками.

– А я-то ко всему этому какое отношение имею?

Хозяин опять улыбнулся – на этот раз почти радушно.

– А вы – коллега уважаемого бен-Талала, то есть – часть русской агентурной сети. Я понял это ещё в Курдистане, когда мои люди сообщили мне, что вас ищет уважаемый бен-Талал. Думаю, он получил задание из Москвы вытащить вас из Ирака любым способом – любым, вы понимаете? В Эрбиле его человек предлагал одному из моих посредников за вас пятьсот тысяч долларов или двух пленных англичан – на выбор.... За простого наёмника так не платят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.